

Экран и сценарий - 1994 - 22-29 сент. - с. 14

То ли шутя, то ли всерьез (у него не всегда это было понятно) Виктор Некрасов уверял, будто написал повесть «В окопах Сталинграда» по настоянию госпитального врача. Тот рекомендовал ему, раненому, тренировать руку с парализованным нервом. Забивать «козла» слишком примитивно, рисовать — слишком сложно. Оставалось писать.

Он не любил рассуждений о психологии творчества, художническом опыте. Писал так же естественно, как жил. Это верно. Однако общие формулы грозят смазать индивидуальность. А она давала себя знать даже в не слишком примечательной довоенной жизни, когда проявился повышенный интерес к живописи, музыке, театру. За пять лет до войны Некрасов окончил архитектурный факультет Киевского строительного института. Но предпочел сцену, благо одновременно учился в театральной студии. Играл, писал декорации. Гастролировал по стране.

Увиденное откладывалось в сознании, осаждалось в душе, чтобы потом заявить о себе. «Потом» — это когда наступит час тренировать пальцы, «потом» — это после трех лет фронта и двух ранений. Вторич-

ЧЕТЫРЕ ПЛЮС ПЯТЬДЕСЯТ

окоп, подвал, блиндаж. Как бы уходя, Некрасов остается в Керженцеве, поделившись с ним биографией, уступив ему свои пристрастия, даровав собственную память о родных стенах, милых домашних мелочах. Заполнение многих граф в «послужном списке» совпадает: гражданская специальность, армейская должность, происхождение, место довоенного жительства.

В прозе В. Некрасова, начиная с этой первой книги, нет и не будет подстроенности, но всегда есть настроение. В «Окопах» рассказ ведет человек, потрясенный всем, что выпало на его долю, мужественный и честный, с вполне определенными нравственными нормами. Безыскусность керженцевского повествования еще и от подлинной интеллигентности, которая не выпячивает себя, но создает свою атмосферу, проявляет свои пристрастия. Керженцеву безразлично, что его товарищи-офицеры обладают

любопытство, а также желание выпить, выругаться. Разведчику Чумаку, который хлещет водку, мародерствует, хамит, отпускаются любые грехи. За смелость.

Прямолинейность размежевания? Но война круто диктовала свой отбор, и В. Некрасов его принимал. Что не мешало ему видеть сложность, противоречивость человеческой природы, не помешало создать один из самых привлекательных характеров в военной литературе. Ординарец Валега — смел и надежен, заботлив, но отнюдь не услужлив, преисполнен чувства собственного достоинства.

У каждого, кто был на войне, своя память о встрече со смертью. Вот абзац из некрасовских «Окопов»:

«Я помню одного убитого бойца. Он лежал на спине, раскинув руки. К губе его прилип окурок. И это было страшнее всего, что я видел до и после на войне. Страшнее разрушенных городов, распоротых животов, оторванных рук и ног. Раскинутые руки и окурок на губе. Минуту назад была жизнь, мысли, желания. Сейчас — смерть...»

Создав книгу о солдатах и офицерах величайшего

А началось в окопах Сталинграда

но он был ранен в сорок четвертом, прослужив военные годы полковым инженером и заместителем командира саперного батальона. Хлебнув горечь беспросветного отступления, провоевав до конца в Сталинграде, участвуя в наступательных боях за Украину.

Высшая точка, с какой он видел войну, Мамаев курган. Здесь, когда до смерти оставалось меньше, чем четыре шага, ему открылись люди, с которыми он делил все опасности, о которых будет писать в палате киевского госпиталя, преисполненный доверия к пережитому и обретенному, отвергая — без всяких деклараций — образцы, претендовавшие на незыблемость.

Это тоже будет определять писательскую манеру В. Некрасова — скрытная полемичность, доверие к реальности, приоритет личного опыта, что обильно оплачено кровью. Не считаясь с ней, станут спекулировать, уверяя, скажем, в романе А. Первенцева «Честь смолоду». «Отход к Волге был совершен планоно, чтобы завлечь противника, истребить его небольшими силами...» и т. д.

Некрасов и его герои Керженцев убедились, каков этот плановый отход, завлекающий противника. Единственная власть, признаваемая над собой писателем, непреложная власть фактов. Они определяют сюжетную коллизию повести «В окопах Сталинграда», композиционную последовательность, выбор, расстановку, поступки героев. Керженцев, его ординарец Валега, Игорь, Ширяев измощенно бредут по выжженной степи не из-за авторской прихоти, а из-за сумятицы и бестолковщины отступления.

Чем ближе Сталинград, тем концентрированнее действие повести. Теперь, вместо бескрайней степи,

трогательными «слабостями». Карнаухов тайно пишет стихи, Игорь хорошо рисует, комдив зачитывается Джеком Лондоном, но осуждает Мартина Идена за самоубийство, Фарбер чувствует музыку.

Придется напомнить: в войну интеллигенцию не слишком жаловали. Верховный Главнокомандующий, ни разу не выехавший на фронт, спешиво бросил о «перепуганных интеллигентах».

В. Некрасов не собирается опровергать Верховного. Он знает свою правду и не приемлет малейшей предвзятости. Интеллектуальным монологом доцента Астафьева теперь грош цена: он — трус. Это самый отвратительный порок. Особенно, если за трусость расплачиваются другие. Начальник штаба полка Абросимов посылает людей на убой, отвергая дельный план комбата Ширяева и спасая собственную шкуру.

Победа дается вопреки отчаянному сопротивлению врага и — преступному самоуправству Абросимова, который вскоре исчезнет из поля зрения. В сознании Керженцева, в сознании переживших Сталинград не укладывается мысль о неистребимости, бесконечном возрождении абросимовых. Жестокое время войны было временем величайших, в каком-то смысле спасительных иллюзий.

На офицерском суде чести над Абросимовым уличающую речь произносит молчаливый Фарбер, по первому впечатлению не подходящий на роль обвинителя, да вроде и на роль строевого командира — аспирант, немного не от мира сего.

Керженцев придерживается некрасовского принципа: бой покажет. Он показал, что нескладному, ближнему Фарберу неведом страх, как, впрочем, и

сражения, Некрасов сказал о ценности единичной человеческой жизни, и его слова не потускнели с годами. «В окопах Сталинграда» — повесть об антифашистской войне, о фашизме, неотвратимо несущем гибель. Именно она, эта повесть, задаст тон в литературе, какую будут формировать вернувшиеся с фронта лейтенанты. Они скажут о себе: мы вышли из «Окопов Сталинграда».

Но есть, видимо, и своя горькая логика в том, что художник, написавший такую книгу, проложивший многие направления в отечественной литературе второй половины XX века (он первым напишет о судьбе вернувшихся с войны, о незаслуженно пострадавших от репрессий, первым опубликует правдивые путевые очерки о заграничные становился все менее уютен коммунистическому режиму, все реже печатаем. Его конфликты с властью шли по нарастающей и дошло до обыска, допросов, прямых угроз.

Набор его двухтомника рассыпан. Его имя вымарывается из статей, монографий, энциклопедий. Книжки не выдавались в библиотеках. Запрещена демонстрация когда-то с трудом пробившегося на экран фильма «Солдаты» по некрасовской повести (режиссер А. Иванов, блистательный кинодебют И. Смоктуновского, игравшего Фарбера).

Виктора Некрасова ждал удел изгнанника. Однако, вопреки запрету, едва ли не каждый второй из советских писателей, попавших в Париж, навещал его. Последним, кажется, был Вячеслав Кондратьев, привезший Виктору. Платоновичу московскую газету, где впервые после долгих лет о нем говорилось с признательностью. Случилось это незадолго до смерти, до последнего пути на русское кладбище в Сен-Женевьев де Буа.

В. КАРДИН.